

Rojzenzon, Leonid Ivanovič

Влияние морфологических и семантических факторов на формирование и стабилизацию синтаксических структур : (на материале частично фразеологизировавшихся конструкций чешского, словацкого и польского языков)

In: *Otázky slovanské syntaxe. II, Sborník symposia "Strukturní typy slovanské věty a jejich vývoj"*, Brno 20.-22.10.1966. Bauer, Jaroslav (editor). Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1968, pp. 253-261

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/120076>

Access Date: 24. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ВЛИЯНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ И СТАБИЛИЗАЦИЮ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР

(На материале частично фразеологизировавшихся конструкций чешского, словацкого и польского языков)

*Co jsem se za tebou nachdil,
Co jsem se s tebou nastál!*

(Чешская народная песня)

Двадцать лет тому назад проф. Р. А. Будагов писал в своей работе „Семантика слова и структура предложения“: „Таким образом... в языке нет, с одной стороны, грамматических понятий и категорий, а с другой — независимых от них (лексических) значений отдельных слов и словосочетаний, а есть лишь глубокое взаимопроникновение и взаимодействие между ними. При этом отдельное слово и отдельное словосочетание не просто поглощается предложением, но и оказывает на него, как видим, немаловажное воздействие“.¹ Далее: „Взаимодействие отдельных слов с системой целого предложения... оказывается чрезвычайно важным“.² „Воздействие слова на систему предложения и предложения на семантику слова приводит порой и в индоевропейских языках к особой взаимной обусловленности всех его членов предложения“.³ И наконец, последнее: „Даже в истории одного и того же языка на различных этапах его развития мы можем обнаружить изменения в соотношении между словом и предложением. К сожалению, однако, с этой точки зрения не изучался до сих пор ни один язык в его историческом формировании“.⁴ Нужно сказать, что эта работа Р. А. Будагова до сих пор не потеряла своей актуальности.

Несмотря на то, что учет семантических и морфологических факторов при изучении предложения давно уже стал настоятельной потребностью любого объективного синтаксического исследования, к сожалению, и теперь основное внимание синтаксистов направлено на изучение внешней стороны синтаксического построения; даже тогда, когда рассматриваются такие вопросы, как синтаксические связи внутри предложения, грамматические формы главных и второстепенных членов предложения и т. д., вне поля зрения исследователя нередко остаются многие важные явления синтаксиса предложений.⁵ А между тем в любой синтаксической конструк-

¹ Уч. зап. ЛГУ № 69, Серия филологических наук, вып. 10, Л., 1946, стр. 153—172.

² Там же, стр. 163.

³ Там же, стр. 170.

⁴ Там же, стр. 170; ср. еще: С. А. Фессалоницкий, *К проблеме взаимосвязи лексики и грамматики*, уч. зап. Ивановского пед. института, т. 6, 1954, стр. 177—182.

⁵ Некоторым исключением здесь являются отдельные исследования по сложному предложению. Ср. работы В. В. Виноградова, Т. П. Ломтева, В. А. Белошапко-

ции есть нечто внутренне существенно релевантное в структурно-семантическом отношении, что, образно говоря, не видно невооруженным глазом. Проникновение в сущностную природу предложения возможно только тогда, когда синтаксические образования будут изучаться не только с внешней, но и с внутренней стороны. Исследование внутренних, „глубинных“ процессов, происходящих в „недрах“ синтаксической структуры, требует мобилизации и синтеза самых разнообразных приемов, в том числе и таких, которые обычно применяются в области лексики и морфологии и ранее в синтаксисе не использовались. Только строгий учет лексико-семантической и грамматической природы элементов, составляющих предложение, характер „сцепляемости“ этих элементов позволяет дать всестороннюю объективную характеристику предложения.

Изучение внутренней природы синтаксических образований и выработки новых методов и приемов, служащих для этой цели, лучше всего, на наш взгляд, начинать с исследования структур, внутри которых уже произошли те или иные процессы трансформации, изменившие природу конструкции в сторону полной или частичной ее фразеологизации.* Фразеологизированные структуры в той или иной степени характеризуются известными ограничениями, накладываемыми на конструкцию фразеолого-синтаксической схемой и теми сократившимися лексико-синтаксическими связями, которые возникли в результате такого рода фразеологизации. Исследование внутренних особенностей таких типов предложений представляет большой интерес, ибо таким путем можно воссоздать первоначальную модель исходной синтаксической структуры и, таким образом, вместо „движения“ от неизвестного (реконструируемая синтаксическая праформа) к известному (современная структура), можно идти обратным путем: от данного известного к неизвестному, исторически изначальному.

В настоящем докладе остановимся на двух, семантически во многом близких конструкциях типа *dost jsem se naostouzel!* (чешск.) и *co jsem se nabrodil!* (чешск.) и их параллелях в других западнославянских языках. Обе конструкции могут быть рассмотрены как две микромоделли единой синтаксической структуры.

Конструкция типа *dost jsem se naostouzel* получила большое распространение в чешском, польском и словацком языках.

Ср.: чешск. *Dost jsme se nabrousili po vůkolí (Rais)*;

слов. *Dost si sa nahrýzal sveta (Kukučín)*;

польск. *Dosyć już naposyłałem się po tę ksiązkę (Słownik Wileński)*.

вой, Я. Бауэра и др. Из более новых исследований упомянем такие: М. М. Бобырева, *К вопросу о взаимодействии морфологических, лексических и синтаксических факторов в структуре сложного предложения*. АНД, М., 1960; И. А. Сизова, *Что такое синтаксис*, М., 1960. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка, М., 1966, Разделы: „Синтаксис словосочетания и простого предложения“ (128—166) и „Синтаксис сложного предложения“ (167—180).

* С. И. Канович, *О понятии грамматической фразеологии (на материалах французского и испанского языков)* в кн.: „Тезисы докладов Первого Всесоюзного совещания по романскому языкованию“, Кипшев, 1960, стр. 39—41. О. И. Москальская, *Грамматический идиоматизм и синтагматика*, в кн.: „Иностранные языки в высшей школе“, М., 1962; Л. И. Ройзензон, *Фразеологизация как лингвистическое явление*, Труды Самаркандского университета, № 116, 1961; Д. Н. Шмелев, *О связанных синтаксических конструкциях в русском языке*, ВЯ; 1960, № 5.

Ядро конструкции составляют элементы: *dost* + возвратный глагол с первичной или вторичной приставкой *NA-*.

Ср.: слов. *Dost som sa (jej) naopatrovall* (Čajak). *Dost som sa (už) namozolovala!* (Gabaj).

Парадигму данного типа конструкции будут составлять:⁷

а) различные формы лица и числа вспомогательного глагола *býti*;
ср.: чешск. *Však se mimo retek nacumlal dost pamlskã* (Šlejhar); *Však jsem se dost u tebe nabušil* (Šmilovský);

польск. *Dosyć się nadeptałem po cudzych krajach...* (Kaczkowski);
слов. *Dost ste sa naslúžili* (Timrava).

б) различные формы времени глагола *na... se*.
Ср.: слов. *Dost sa natancuješ* (Timrava); *Dost sa už natúlal po svete* (Mináč); *Nastone sa pri tom dost* (Šoltésová).

Конструкция с *dost* выступает в трех вариантах в зависимости от расположения ключевого слова *dost*:

а) *dost* — в абсолютном начале конструкции (примеры см. выше).

б) *dost* — в неначальной позиции. Ср.: польск.: *Ja się dość nahulał...* (Słow. *Karłowicza*, т. 3, 258); слов. *Sme sa ju dost na to naprehovárali* (Šoltésová);

в) в абсолютном конце конструкции.

Ср.: слов. *Napsotil som sa dost* (Rysuľa); *Nasluboval sa mu ich dost* (Jégé).

Последние два варианта данной конструкции следует рассматривать как факультативные, тогда как первый — как основной. Дело, конечно, не только в том, что первый вариант в количественном отношении явно преобладает над двумя остальными, важнее здесь подчеркнуть то обстоятельство, что с передвижкой *dost* с абсолютной препозиции на любую другую позицию резко ослабляется модальное и эмоционально-экспрессивное звучание всей конструкции (иногда — вплоть до полного нивелирования). Вероятно, поэтому мы наблюдаем в конструкциях второго и третьего варианта использование целого ряда компенсирующих средств, а именно:

а) повторяющихся наречий *dost*. занимающих, как правило, абсолютную постпозицию; ср. чешск. *Čeládka napopisovala se jí dost a dost!* (Světlá); *Nabalamutil ses lidi dost a dost!* (Martínek).

б) Однородных глаголов типа *na... se*.

Ср.: слов. *Ja som sa dost narozmýšľal, nauvažoval* (Kukučín).

чешск. *Dost se (mnich) napostil a nabičoval!* (Vrchlický).

У конструкции с *dost* имеется ряд синонимических структур. Своим построением они очень напоминают конструкции с *dost*, но вместо *dost* мы в них находим такие ключевые элементы, как *tolik*, *kolik* (польское, *tyle*, *ile*, слов. *tolko*, *kolko* и др.).

Ср.: польск. *Tyle się człowiek naharuje, nakręci...* (Gojawiczyńska).

В чешском языке встречается, помимо этого, еще следующая родственная конструкция, начинающаяся с *ten*.

Ср.: *Ten se vás nabaví* (Preissová). *Ten se na to piano něco nabrnkal!* (Úzus).

Наконец, следует отметить еще одну структуру, но с одним лишь ключевым конструктивным элементом — глаголом *na... se*.

⁷ См. Н. Ю. Шведова, *Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм*, сб. „Проблемы современной филологии“, М., 1965, стр. 282—287.

Ср.: польск. *Oj! Nalatała się ja po kurhanach!* (Słowacki).

Итак, все указанные конструкции строятся на базе стержневого возвратного глагола⁸ с приставкой *NA-*. Эта черта, а также особая интонация и модально-экспрессивный план объединяют все вышеприведенные структуры в одну большую группу предложений.

Большой интерес с точки зрения интересующей нас проблемы представляет вторая группа конструкций. Мы имеем в виду частично фразеологизированный класс чешских, словацких и польских предложений, построенных по структурной формуле „*co* + возвратный глагол (с первичной или вторичной приставкой *NA-*)“.⁹

Такие конструкции близки по своей семантике вышеприведенным предложениям с *dost*, однако далеко не адекватны им. Общая объединяющая их семантика — это значение „сделать что-то, потратив много времени, усилий, труда; сделать что-то в большем количестве, вдоволь, досыта“¹⁰. Общим для этих двух конструкций является здесь также и то, что действия в обеих структурах почти всегда рисуются как повторяющиеся, обладающие известной временной протяженностью.

Однако, между этими структурами существуют и значительные конструктивно-грамматические и эмоционально-семантические различия. Мы уже видели, что конструкции с *dost* стоят на границе между свободными и фразеологизированными, в них еще немало синтаксически свободных элементов, но имеются уже и элементы фразеологизации.

В свою очередь конструкции с *co* несомненно следует отнести к частично фразеологизированным. Фразеологизированна в них сама синтаксическая схема предложения и основное значение данного класса предложений, фразеологизированны и основные структурные и грамматические компоненты конструкции. Наконец, важным конструктивным компонентом данной фразеологизированной структуры является и специфическая риторически-вопросительная эмоциональная интонация предложения, скрепляющая все компоненты в одно синтаксическое целое особого аффективного речевого типа.¹⁰

В таких предложениях, по словам Н. Ю. Шведовой, „Черты собственно

⁸ Некоторые исследователи называют такого рода слова опорными. С этой точки зрения большой интерес представляет статья Ф. П. Филина *О лексико-семантических группах слов*, сб., *Лингвистические исследования в честь академика Ст. Младенова*, София, 1957, стр. 523—538.

⁹ В русском языке встречаются конструкции, похожие на данную (ср. чего только я не рассмотрел!), но, во-первых, они, как правило, выступают с одноприставочным, а не двуприставочным глаголом с *на-*; во-вторых, их удельный вес в русской речи, по нашим наблюдениям, значительно меньше, чем в словацком, чешском и польском языках. (См. Ф. П. Филин, *О двух значениях глаголов, образованных посредством префикса на- и суффикса -ся*. Сб. „Вопросы грамматики“, М.—Л., 1960, стр. 446—453.) Ср. еще: В. И. Поржезинский, *Возвратные формы глаголов в литовском и латышском языках*, М., 1913, стр. 49 и сл.; Л. И. Ройзензон, *Глаголы с вторичной приставкой NA- в современном чешском языке*, Славянский сборник, II, Самарканд, 1963, стр. 68—87.

¹⁰ Думается, что высказывание Фр. Данеша о том, что интонацию нельзя считать грамматическим средством (Fr. Daneš, *Intonace a věta...*, 1957, стр. 134—135) не совсем точно; особенно это хорошо видно на фразеологизированных структурах. Ср. две конструкции „очень мне нужна ваша шляпа!“ (утверждение о крайней степени необходимости) и „очень мне нужна ваша шляпа!“ (в иронически-отрицательном значении). Несомненно, что здесь интонация не сопутствующий, а конструктивно-дифференциальный синтаксический признак.

грамматические выступают в неразрывном единстве с чертами лексико-фразеологическими“ (мы бы добавили еще — интонационно-модальными — Л. Р.). Здесь, кроме стабильных конструктивно-обязательных компонентов, выступают компоненты категориально-лексически ограниченные¹¹. В нашей конструкции таковыми стабильными и обязательными компонентами всегда является начальное *co* и возвратный глагол с первичной или вторичной приставкой *NA-* (первое лицо единственного числа, реже — другие лица единственного и множественного числа).

В абсолютном большинстве примеров, которыми мы располагаем (926), глагол выступает в форме прошедшего времени, однако в данной конструкции возможны и другие формы времени. Ср. *Co se tam nachodí, nasedí!* (*Uzus*).

Другие компоненты являются здесь факультативными и сообщают глаголу-сказуемому различные дополнительные оценочно-характеризующие признаки. Следовательно, для данного класса предложений характерна синтаксическая модель, ограниченная своей лексической наполняемостью специфическим классом возвратных глаголов с *NA*).¹² И здесь, как и в конструкциях с *dost* и др., большую роль играет глагол, являющийся семантическим и грамматическим центром предложения. Любопытно, что этот глагол, наряду с *co* и всей интонацией предложения, почти всегда участвует в создании особой модальности данной конструкции, смысл которой заключается в том, что говорящий не только сообщает о том, что выполненное им (или другим лицом) действие было для него (или другого исполнителя) нелегким и в какой-то степени неприятным (реже приятным), но и выражает свое отношение к этому действию, тогда как в предложениях с *dost*, как правило, отмечается только сама большая мера действия, модальные же оттенки в конструкциях с *dost* или совсем отсутствуют, или же слабо выражены. В этом — основное отличие конструкции с *dost* от конструкции с *co*.

Фр. Копечный видит в чешских глаголах типа *namastiti se*, кроме рефлексивного значения, возможное значение интенсивности действия и приводит такие примеры: *co jsem se ho denně namastil, co se ho denně namastím* (*Slovesný vid v češtině*, Praha, 1962, 84), но, почему-то, не отмечает эмоционально-экспрессивный и модальный характер подобных образований.

Мы уже отмечали, что глагол играет исключительно большую роль в формировании интересующих нас конструкций. При этом мы имели ввиду не глагол как конструктивно-необходимый элемент предложения вообще, а лишь как стержневой элемент конкретных типов рассматриваемых нами предложений.

Абсолютное большинство наших конструкций включает в свой состав глагол с особым эмоционально-экспрессивным значением, которое заложено в семантике глагола, или же возникает у глагола контекстуально, благодаря воздействию на него всего лексического окружения. При этом возможны такие случаи:

¹¹ Н. Ю. Шведова, *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, М., 1960, Ср. еще: Л. П. Якубинский, *О диалогической речи*, Сб. „Русская речь“, 1, Петроград, 1923, Д. Н. Шмелев, *О синтаксической членности предложения*, РЯШ, 1965, № 2.

¹² Здесь, как и среди конструкций с *dost*, глагол может быть и невозвратным, но предложения с такими глаголами — явление относительно редкое — Ср. *Co ten lichwiarz z ludzi nazdzieral* (*Słow. Warszawski*).

1. Глагол принадлежит к стилистически нейтральной сфере.
Ср.: чешск. *Co se nabádali myslitelé... (Krásnohorská); Co se tu nábeseďoval... (Nováková);*
слов. *Co som sa ho načakal (Stodola); Čo som sa namrzla na jarmorkoch (Stodola);*
польск. *Co myśmę się tej nocy nabiedowali (Dęmbowski); Co ja się nacierpiałam... (Dzierzkowski).*

Легко заметить, что эмоционально-экспрессивная тональность глагола формируется в самой конструкции, вне конструкции она у него отсутствует.

2. Глагол эмоционально-экспрессивный по характеру своей семантики.
Ср.: слов. *Co sa nahrďlačil cez celé leto (Timrava); Čo som sa ich naobrezal a nahúťal nad nimi (Jégé); Co sa dedinský ľud natrpí a nakonuĝe (Hečko); Čo sa namodlikal... (Šteinhibel); Čo sa on na ne narobil, namozolil! (Tajovský);*
чешск. *A co jsi se pro ni nabřečel (Rais); Co ten klouček všechno nablábolil! (Táborský).*

Эмоционально-экспрессивная весомость глагола может возрасти за счет его звуковой экспрессии.

- Ср.: слов. *Čo sa ti len našľakujú! (Rázus); Čo sa našomre, proti hospodinu (Kukučín); Čo som sa nautiskoval, naskývražil! (Kukučín).*

Вариантом конструкции „co + na...se“ является конструкция — „co + se + ten + na [...se]“ — результат контаминации двух конструкций (co + na...se и ten + na — ...se).

- Ср.: чешск. *Co ten se o Venezii nablouznil! (Šimáček).*

Иногда (правда, очень редко), вместо *ten (ta, to)*, встречаются здесь личные местоимения.

- Ср.: *Co vy se tu cepę naboucháte..! (Baar).*

В примерах типа *co se jen chudák matka napláče, naběduje; co się do mnie nadoskakiwał! Co se chudák napolykal medu sa křenem (Světlá)* в сущности, наблюдаются теснейшее взаимодействие всех составных компонентов предложения. В таких случаях обычно взаимодействуют: синтаксическая схема (модель) предложения, парадигма этой модели, все морфологические категории лексем, семантическая структура лексем, их модальные и экспрессивно-эмоциональные элементы.

Несмотря на такого рода тесное взаимодействие всех элементов конструкции, она все-таки сохраняет статус синтаксически свободного предложения, ибо ей присущи только элементы фразеологизации, т. е. конструкция является лишь частично фразеологизированной.

Итак, спецификой данных и им подобных структур следует считать то, что в них взаимодействие и взаимовлияние синтаксических, грамматических (морфологических) и лексико-семантических элементов на формирование и (или) стабилизацию этих конструкций носит взаимообусловленный характер.¹³

¹³ В славянских языках встречаются структуры, в которых эти отношения носят не взаимообуславливающий характер, а представляют собою отношения односторонней зависимости. Так, русские временные конструкции типа „не прошло и... как“, зависят целиком от глагола, но сами эти глаголы совершенно свободны от какого бы то ни было воздействия со стороны данных конструкций. См. нашу работу: *К изучению природы сложных предложений* (о фразеологизации сложновременных конструкций). Тр. Узбекского университета, № 62, Самарканд, 1956).

Синтаксическая структура *co + na... se*, достигнув достаточно высокой степени коммуникативно-речевой актуальности, стабилизировавшаяся в своей модели, сама начинает оказывать влияние на процесс образования глаголов с префиксом *NA-* (с первичным, а затем и вторичным) в том смысле, что структура постоянно требует пополнения состава глаголов именно образованиями с этой приставкой. Это косвенно ведет к возрастанию „скорости“ появления данных единиц за определенный отрезок времени; круг глагольных образований с *na... se* значительно расширяется. Указанный процесс нетрудно проследить, сопоставив данные польских, чешских и словацких словарей и художественной литературы. Итак, хотя структура „*co + na... se*“ и не принимает непосредственного участия в деривационном процессе, она оказывает на него активное косвенное воздействие, являясь коммуникативным „заказчиком“ новых лексических единиц — глаголов с первичной (а затем и вторичной) приставкой *NA* —.¹⁴ Особая роль принадлежит здесь глаголам с вторичным префиксом *NA-*. Дело в том, что сам круг эмоциональных по семантике и звуковой структуре глаголов, которые могли бы принимать первичную приставку *NA-* в чешском, словацком и польском языках, практически сильно ограничен. Поэтому остается другой путь — экспрессивно-эмоциональная интенсификация стилистически нейтральных одноприставочных глаголов посредством вторичного префикса *NA-*, ибо возвратные глаголы с вторичными приставками *NA-* сами по себе уже являются в достаточной степени эмоционально-окрашенными лексемами.

Именно такой процесс интенсивного образования двухприставочных глаголов *na... se* мы наблюдаем в чешском, польском и словацком языках последних двух столетий. Любопытно, что темп роста двухприставочных глаголов с *na... se* релятивно выше темпов пополнения лексического состава этих языков одноприставочными глаголами *na... se*. В конструкциях типа *co + na... se* современного чешского, словацкого и польского языков глаголы с вторичной приставкой *na-* встречаются все чаще и чаще, так как словообразовательная модель *na... se* (*NA* — вторичная приставка) является продуктивной и деривационно очень активной.

Ср.: чешск. *Co jsem se navzdychala po tobě (Jan z Hvězdy); Co se v krémách navyváděli! (Jirásek);*
 слов. *A čo som sa len vo svojom detstve naobdivoval maľovaných truhál (Hečko);*
 польск. *O! Com ja głów nazawracała! (Kraszewski). Co on już ludziom napomagał, haj! (Orzeszkowa).*

¹⁴ Вероятно, в этот процесс втягиваются и другие типы двухприставочных глаголов, способные выразить интенсивность действия, особенно бипрефиксальные образования с первичной приставкой *NA-* и вторичной приставкой *VY-*: *Co si tam vynadíváte (Rais)*. Однако на базе глаголов с *VYNA-* образовалась микромодель, отличительной чертой которой является наличие глагола *moci* с отрицанием *ne* при нем (чаще всего глагол в форме прошедшего времени, хотя возможны и другие временные формы). Приведу ряд примеров. ... *nemohl dost se vynabroukati (Lumír); Nemohu ti, milý oče, dost vynaděkovati... (Viček); Teta nemohla se dost vynadívati a vynadiviti (Herites); Můj muž nemůže vás ani dost vynachváliti (Šmilovský); ...nemohl jsem se dost vynakoukat (Neruda); Mocný král téměř nemohl se dosti vynamýšleti... (Vráz); Já nemohla se při jídle dost vynapovídati... (Tyl); A nemohl se ani dosti vynavyprávěti o své Praze (Třebízský); ...matka nemohla se ho dost vynaptávati... (Pravda); ...nemohl se dosti vynasmáti (Jahn); ...jakoby se nad ním ani nemohla dost vynatěšit... (Rytl).*

В свою очередь большой приток таких глаголов создает базу для свободного, синтаксически регулярного, практически почти ничем не ограниченного в речи процесса образования и употребления указанных частично фразеологизированных конструкций. Любопытно, что активный процесс словопроизводства глаголов *na...se* приводит к тому, что конструкции с двупривставочным *NA*- начинают конкурировать в речи с конструкциями с однопривставочным *NA*-.

Каков же путь развития наших конструкций? Памятники анализируемых языков почти не дают нам данных для воссоздания возможных путей эволюции интересующих нас структур. Ясно только то, что конструкции эти — относительно позднего происхождения, о чем свидетельствуют косвенные факты — позднее появление самих аффективных глаголов *na...se* эмоционально-экспрессивного плана в чешском, словацком и польском языках.¹⁵ Что же касается конструкций на *co + na...se*, то просмотр значительного количества памятников письменности дал нам всего один пример, напоминающий нашу современную структуру с *co*.¹⁶ Ср.: *A ów, co takomo zbierał, i głodu się naprzymierał!* (*Pisma Jana Dzwonowskiego* (1608—1625), Kraków, 1910, стр. 65).

Можно предположить следующий путь развития указанных конструкций: из группы простых предложений выделился класс предложений с глаголами *na...se*. Затем началось внутреннее развитие¹⁷ этих предложений путем ввода в них различных эмоционально-вопросительных и эмоционально-указательных слов типа *kolik, tolik*, а затем и эмоционально-характеризующих слов типа *dost*, произносимых с особой интонацией. Однако, со временем вместо всех этих элементов начинается употребление *co*, которое оказалось более пригодным с конструктивно-синтаксической и эмоционально-стилистической точек зрения, если учесть, какое исключительно большое место в структуре этих трех языков вообще принадлежит *co*. Любопытно, что в лужицких языках, где глаголы с первичным и особенно

¹⁵ В памятниках древнечешского языка нами зафиксировано всего несколько таких примеров. Ср., ... *a když sú se jemu (Kristovi) naposmievali, kázal ho zase vésti ku Pilátovi* (*J. Hus, Česká kázání*, 1952, 202). *Naposlúchati se nakazdi den sedm krat andiele mie podnebensa vznassyegy; tu se sladkich nebeskych piesny naposlúchagycz opiet je tuto wracy — Kartotéka staročeského slovníka, XV. stol.*). То же самое мы наблюдаем и в других славянских языках. Хотя отдельные такие глаголы известны, например, в древнерусском языке по памятникам 12 стол. (ср. *Ни ся может воня тоя насытитъ, ни на красовати цветнааго того крашения*) (*Златоструй*), основной массив этих образований начинает появляться только с 17—18 стол. (см. Ф. П. Филин, *О двух значениях глаголов...*, стр. 456—457).

¹⁶ Памятники письменности, как известно, очень неполно отражают живую языковую стихию, особенно ее аффективные структуры. Поэтому, как правильно отмечает Н. Ю. Шведова (указ. соч., стр. 368), „Подлинная история основного массива собственно разговорных построений может быть изучена только методом сравнительно-исторического исследования, синтаксиса литературных языков и народных говоров, с одной стороны, русского литературного языка и родственных славянских языков — с другой стороны“.

¹⁷ В замечательной монографии А. С. Мельничука (О. С. Мельничук, *Розвиток структури слов'янського речення*, Київ, 1966, стр. 302—304), выдвигается интересная концепция о внешнесинтаксической и внутреннесинтаксической структуре предложения. Для нашего исследования весьма ценно высказывание А. С. Мельничука о том, что „Найбільш характерною для розвитку структури індоєвропейського і слов'янського речення тенденція до поступового збільшення ролі морфологічних і службово-лексичних засобів синтаксису в виявленні найістотніших ознак речення...“ (302—303).

с вторичным префиксом *NA-* занимают незначительное место¹⁸ по сравнению с аналогичными образованиями в чешском, словацком и польском языках, конструкции, подобно рассмотренным выше, нам не встретились вообще.

Академик Б. Гавранек как-то писал об основной тенденции развития синтаксиса славянских предложений: „Přizpůsobování jazyka k tomu, aby jeho jazykové projevy mohly být určité a přesné, podle potřeby abstraktní a aby byly schopné vyjádřit souvislost a složitost myšlení, tedy zesilování intelektuální stránky řeči“ (*Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura, Studie o spisovném jazyce*, Praha, 1963, стр. 30).

Наряду с тенденцией к интеллектуализации славянского предложения, к совершенствованию его логической структуры, история славянского синтаксиса позволяет говорить и о другой тенденции; условно мы ее назовем тенденцией к развитию аффективных синтаксических структур. Вышерассмотренные нами структуры с *dost* и *co* — как раз и появились в результате действия данной тенденции в ряде западнославянских языков.¹⁹

¹⁸ Фр. Копечный пишет, что в верхнелужицком языке встречаются глаголы *narězać so, nawaleć so, naskakać so, nastać (nastejeć) so, nasmieć (nasměwać) so*; в нижнелужицком он отмечает *napisaš se, našmotliš se*. Для нас очень важно здесь его заключительное замечание: „*Nevim, zda tu jde mluvit o paradigmaticnosti*“ (Фр. Кореčný, *Slovesný vid v češtině*, Praha, 1962, 84).

¹⁹ Считаю своим долгом сердечно поблагодарить доцента Г. Кржижкову и доцента Р. Мразка за ценные замечания по данной работе, которые были милоу использованы при подготовке доклада к печати.

